

11 ОКТЯБРЯ 1970 г. — 3 стр.

В. С. ВИНОГРАДОВ.

А т а я

Атай сыграл несколько программных номеров, проявляя во всех случаях высокий уровень мастерства, виртуозную технику. Он не тяготел к дешевым эффектам, с помощью которых завоевывается дешевый успех. Даже в названных пьесах эстрадного профиля содержались такие трудности, которые требуют от исполнителя и блестящего владения инструментом и тонкого проникновения в мир музыки. Он не увлекался техникой, забавным приемом в ущерб содержательности. Его мастерство виртуоза было безупречным в смысле вкуса.

Вот он заиграл «Ботой» — своеобразный экзамен для каждого комузиста. По тому, как он обращается с новой темой-коротышкой, можно судить о его вкусе, подготовке и таланте. «Ботой» Атая — это фейерверк звуков многоцветных, ярких, искрометных, особенно к концу произведения, когда нарастает темп, молниеносно меняются штрихи, основная тема дробится на мельчайшие ячейки. Они как будто мечутся в вихре, стремительно чередуются, наслаиваются, удлиняются и опять распадаются на мелкие части. Комуз звучит мощно, сочно, толнозвучно. Пальцы, кажется, одухотворены. Выпадетелен их бег по грифу. Удивляет их согласованное мелькание то вверх, то вниз его. Заслуженно был удостоен Атай первой премии на Всесоюзном конкурсе исполнителей на народных инструментах.

...Я слушаю Атая, а в голове проносится мысль, с кем можно его сравнить? С пианистом? Но, каким? Листом? Да, вероятно, с ним. Эта параллель закрепилась в моем сознании тогда, более

тридцати лет тому назад. Она не пошатнулась, не поблекла и сегодня, когда пишутся эти строки.

Лирик и виртуоз — таковы две самые характерные стороны дарования Атая. Неизгладимое впечатление оставило исполнение им также и глубоких, проникновенных произведений Токтогула: «Арман Кербез», «Бала элем», «Карылык» и др. Вершиной его мастерства в этом жанре, бесспорно, надо считать «Песню о Ленине» и воспринятую им от Токтогула пьесу «Ленинге эстелик» («Памяти Ленина»). Первая в его интерпретации звучала эпически сдержанно, строго и даже сурово. Вторая же выражала раздумье, философские размышления и уверенность в торжестве ленинских идей. Примечательно, что она основана на мелодии кошкока (плача). Автор обратился к ней, стремясь выразить народное горе в связи с кончиной вождя. Но тема эта так значительно преобразуется, что из нее вырастает стройная, большая пьеса двухчастного сложения с расширенным заключением. Структура и образное содержание произведения далеко переросли рамки кошкока.

Атай оставил несколько патриотических произведений, навеянных современностью. Кроме названных выше, в его репертуаре были песни о молодежи, панфиловцах, кавалеристах и другие. Все они отмечены вдохновением, искренностью заложенных в них чувств. У меня и сейчас звучит в ушах широкая, полетная мелодия «Жаштар» и одновременно рисуется образ преданного советской Родине киргизского певца и комузиста.

Мне довелось слышать Атая много раз в Киргизии, в Москве, общаться с ним на курсах мелодистов, в быту, записывать его, публиковать эти записи, посвятить

ему брошюру. Может быть, ни один из аксакалов киргизской музыки не был мне так близок, как он. Я многим обязан ему, и память о нем ношу в сердце. Его творчество, глубоко тронувшее мою душу, разбудившее во мне любовь к киргизской музыке, его облик бесхитростного, дружелюбного товарища близки мне, русскому человеку, как близки мне люди и напевы моей Родины.

...Я слушаю Атая в филармонии и завидую неистощимости его творческой фантазии. Устал. Репертуар постепенно подходит к концу. Шубин уже отказался подсказывать. Выручали другие, присутствовавшие в зале лица. Их память выискивала забытые атаевские наигрыши. Комузист охотно подхватывал выраженные пожелания, и вновь звучал инструмент. Наконец Атай объявил: «Ну еще одну «Шынтыраму» и разошелся эффектным каскадом аккордных звучаний. Потом он встал, поклонился и ушел со сцены.

«Ну что? Ну как? — приставал Фере. — Как понравился тебе Атай?». Трудно было ответить ему односложно «понравился» или даже «очень понравился». Такие слова не вмещали моих впечатлений и чувств. Повременив немного, я сказал: «Знаешь что, я согласен заняться работой о киргизской музыке».